

ТАМБЛЕРЫ

ALIS GRAVE NIL

АРКАДИЙ УТКИН

ЛИНДА ЙОННЕНБЕРГ

НЬЮ-ЙОРК

БАЛАХНА

Аркадий Уткин

Тамблеры. Alis Grave Nil

«Издательские решения»

Уткин А.

Тамблеры. Alis Grave Nil / А. Уткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835590-5

Интеллектуальный триллер «Тамблеры», глава из которого была опубликована в журнале Сноб, с первых строк захватывает читателя. Психологический реализм, переплетаясь со взрывным юмором и хитросплетениями непредсказуемого сюжета, зовет за собой в странный мир неземных существ с земными проблемами и человеческими чувствами. Поддайся любопытству и открой для себя волшебную вселенную Тамблеров: они созданы из света и пришли нести свет, но столкнувшись с нашим миром и силами зла, вынуждены измениться...

ISBN 978-5-44-835590-5

© Уткин А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. Lumen Aureus	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тамблеры Alis Grave Nil Аркадий Уткин Линда Йонненберг

© Аркадий Уткин, 2016

© Линда Йонненберг, 2016

ISBN 978-5-4483-5590-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Alis Grave Nil

Тамблер (tumbler) с английского: тот, кто падает; голубь-вертун; игрушка-неваляшка; акробат; часть замка, соприкасаясь с ключом, приводит в движение затвор.

Нью-Йорк Балахна
2013—2016

ПРОЛОГ

Остров Зельды

Наши дни

Южнее Сицилии есть несколько вулканических островов. Самой большой из них, черная жемчужина средиземноморья – Пантелерия, место роскошное и загадочное, а самый маленький, Filiam Ventus, по-сути, просто черная, ребристая скала базальта, расчерченная красными шрамами кварца. Так называли это хмурое место рыцари норманнского королевства Сицилии, следуя арабам, называвшим его Ибна Арья – дочь ветра, возможно потому, что в этих местах ветер дует непрестанно, не давая вырасти ничему живому, но, возможно тому были и другие причины...

Западная часть острова высокая, неприступная – окружена неистовым гулом боя скал с пенистыми силами моря. Восточная – более пологая, округленная и относительно тихая. В самом низком месте, не видном с моря – небольшая ложбина, наполненная изумрудно-зеленым зеркалом морской воды, рядом – грубое угловатое строение, полностью сделанное из черных кусков лавы.

На Filiam Ventus наступали сумерки, обветренные глыбы острова ожили, отбрасывая на темную гальку гротескные зыбкие тени. Над морем, закипающим белыми бурунами, заливал все небо багряный закат. К острову, вынырнув из низких, окрашенных пурпуром облаков, приближалась, все увеличиваясь в размерах, темная точка. Миновав линию прибоя, странное существо замедлило полет, перешедший почти в парение. Сложив гигантские черные крылья, на которых поблескивали, окрашенные багрянцем заката, брызги вечно живого моря, существо бесшумно опустилось рядом с изумрудным озерцом в восточной части острова. Крылья мгновенно исчезли, словно втянувшись в широкие плечи смуглого, темноволосого, крепко сбитого мужчины в черных джинсах и черной майке, решительно зашагавшего к странному дому из кусков лавы. Дверь в доме заменяло подобие арки, и морской соленый ветер беспрепятственно ворвался внутрь вместе с поздним гостем, который быстро поднимался вверх по мрачной широкой каменной лестнице без перил. Сверху донесся радостный лай, эхом отброшенный каменными стенами, и навстречу мужчине, вниз по ступеням, понесся огромный черный ротвейлер.

– Тише, тише, Бруно, старина, – Мужчина небрежно потрепал пса, вскинувшего мощные лапы ему на грудь, – Я тоже рад тебя видеть! Ладно, давай, пойдем, ты же знаешь, времени у меня мало.

Пес, поскуливая и громко цокая когтями по каменным ступеням лестницы, послушно отправился вслед за хозяином, который, поднявшись наверх, и быстро пройдя по прорубленному в лаве коридору, вошел в небольшой сводчатый зал. В центре зала находился квадратный каменный стол. Неожиданно изящными оказались кресла, стоящие вокруг стола, выточенные из светлого мрамора, они странно диссонировали с окружающей обстановкой. Мужчина опустился в одно из кресел, лицом к стене и негромко позвал: Зельда! Ничего не произошло, только черный пес, легший у ног хозяина, шумно втянул носом влажный воздух. Мужчина на секунду прикрыл глаза. Раздражение, смешанное со странной робостью, нарастало в нем, заставляя сердце биться быстрее. Он повторил громче, властней: Зельда! Воздух у каменной стеной кладки сгустился, стена будто плавилась, пытаясь вытолкнуть наружу что-то инородное, нарушающее ее вековой покой. Пес вскинул голову, заскулил и затих, опять замерев у ног хозяина. Из грубой кладки стены стала выступать, проявляясь в камне все больше и больше, женская фигура. Ее очертания становились отчетливей, и когда марево рассеялось, перед гостем и его черным псом, спрятавшим грозную морду в передние лапы, возникла высо-

кая женщина с надменным лицом. Стена так и не выпустила женщину до конца. И ее длинные, слегка спутанные на концах, рыжеватые волосы, и дорогая ткань помятого и кое-где порванного пышного платья, и бледное лицо с острыми скулами-все было покрыто тончайшей каменной пленкой. При виде гостя, в серых глазах женщины мелькнул и тут же погас красноватый огонек, она улыбнулась, губы ее дрогнули, нежный голос произнес, наполняя мрачный зал:

– Здравствуй, Варлен!

Мужчина резко встал и, не глядя на Зельду, нагнулся к столу:

– У нас проблема.

– Неужели? – Зельда снова улыбнулась.

– Вот посмотри!

Варлен коснулся перстня на правой руке, тот загорелся красным огнем, и в центре зала появился светящийся красный куб, внутри которого плавало множество черных и бурых точек. Неожиданно цветовая гамма куба изменилась и дернулась, будто от судороги.

– Зельда, что это?

– Отсюда я не вижу, выпусти меня, и я рассмотрю получше!

– Мы оба знаем, что если я тебя выпущу, то мне придется тебя убить. Скажи, что ты видишь?

– Тогда хотя бы окно!

Варлен очертил пальцем с перстнем квадрат, и лицо Зельды освободилось от каменной пленки. Она вдохнула пьянящий земной воздух и указала на одну из двигающихся бурых точек в кубе:

– Проверь это.

Варлен вошел в светящийся куб и зажал между пальцами одну из точек, повернулся к Зельде:

– Это?

– Да. Камень, вероятнее всего, – Зельда хмыкнула, – он дестабилизирует *систему*, и должен быть у тебя.

Варлен дотронулся до рубинового перстня, куб тут же пропал.

– Хорошо, с этим разобрались, – подойдя к столу, Варлен выложил на него три золотистые ампулы:

– Мне нужны три унции, Зельда, и нужны сейчас!

– Три унции... Vous êtes arrivé à un mauvais endroit, alors. (тогда ты пришел в неправильное место)

Тень гнева набежала на лицо гостя, но он сдержался.

– Твой цибориум практически пуст, Варлен, осталось всего несколько капель... Это тоже дестабилизирует систему.

Варлен оперся на стол руками и опустил голову.

– Ты не веришь мне, но посмотри сам!

Варлен помедлил немного, потом обошел стол, отыскав правильное место. Он вздохнул, красный перстень на его левом мизинце засветился. Не спеша Варлен стал погружать руки в камень стола, послышался треск, тело его заискрилось, он весь затрясся. Ударилась сильная молния, на секунду озарив весь *Filiam Ventus* и каменный стол, на котором теперь лежал стеклянный сосуд, с обеих сторон закрытый узорчатыми бронзовыми полусферами: это и был цибориум. Сосуд был почти пуст, лишь несколько золотистых капель перекачивались на самом дне.

– Что теперь, Зельда?

– Теперь ты должен пойти на охоту и наполнить его!

Варлен молчал и смотрел на цибориум, на последние золотые капли.

– Я могу пойти на охоту с тобой, Варлен.

Он улыбнулся и посмотрел на Зельду:

– Как в старые добрые времена.

– *Von vieux temps?* (старые добрые времена?) – Зельда не оценила шутку.

Варлен приставил одну из ампул к бронзовой полусфере цибориума и капли послушно задвигались. Когда последняя капля перетекла из цибориума в ампулу, Варлен собрался уходить:

– Я отпущу тебя, когда он будет полным!

Вновь сверкнула молния, и когда гром докатился до *Filiam Ventus*, цибориума и Варлена уже не было на острове. Зельда повернула голову, окно, оставленное Варленом, быстро сужалось:

– Ты уже прилетел, мой смелый, *mon garçon aux yeux bleus* (мой голубоглазый мальчик), – она улыбнулась непонятно кому, – и я тебе помогу!

Зельда перевела взгляд на черного пса, который, прижавшись к полу, жалобно заскулил:

– Бруно, ты такой же трусливый, как и твой хозяин, – пес, продолжая скулить, стал задом пятиться к выходу из зала, – Все можешь, но всего боишься!

Окно в стене закрылось, фигура Зельды исчезла в каменной кладке

ЧАСТЬ I. Lumen Aureus

Глава 1

Системный сбой

Темно-синий Бентли Континентал мягко подкатил к пропускному пункту Научно-исследовательского центра «Оптиглас», новенькие корпуса которого находились в чистеньком подмосковном лесу. Два охранника в стеклянной будке упорно смотрели на дорогу, странно, но они словно не замечали дорогой автомобиль, поднявшийся сам по себе шлагбаум и человека за рулем, оставившего на окошке будки фирменный конверт DHL. Бентли остановился у одного из корпусов, из машины вышел Варлен, одетый в солидный серый костюм, и направился к входу. Днем у дверей корпуса тоже работала пропускная система, но сейчас, глубокой ночью, охранника не было, а стеклянная дверь здания была под защитой хитроумного электронного замка. Варлена не смутило это обстоятельство, он дотронулся до замка своим перстнем, и дверь бесшумно распахнулась. Ночной гость поднялся на третий этаж и найдя нужную дверь, все так же беспрепятственно открыл и ее. Варлен вошел в помещение и осмотрелся, не включая света- он отлично видел в темноте. Это была лаборатория Севастьяна Лукьянова, аспиранта МИФИ, и занималась она исследованиями в области квантовых эффектов и новейшими лазерными технологиями. Варлен улыбнулся, лаборатория явно нравилась ему. Вдоль стен стояли стеллажи с компьютерами и приборами, утыканные проводами, впрочем, провода змеились везде, особенно много их было у длинного металлического стола, на концах которого располагались две лазерные пушки, с виду похожие на дорогие кинокамеры. В самом центре узкого стола находились тиски-штатив, и именно эта деталь оборудования интересовала ночного гостя. Подойдя к столу, Варлен наклонился, глаза его сверкнули красным, выпустив яркие лучи в бриллиант, зажатый в штативе. Камень вспыхнул, заиграл, осветив лабораторию, провода и старомодную доску на стене, исчерченную рисунками, знаками и формулами. Варлен усмехнулся, мельком взглянул доску, затем подошел к штативу и вырвал из него камень. В лаборатории опять стало темно. Варлен покрутил бриллиант в руке, потом сжал его между пальцами, тот хрустнул куриной косточкой, Варлен о чем-то задумался и долго смотрел, как алмазная пыль сыпется из его руки, такая же искристая, как тот снег в Новоорхангельске...

Новоорхангельск, 1841 год.

Молодой, статный офицер в гвардейском вицмундире с белым стоячим воротничком и черными петлицами прохаживался по двору своего добротного бревенчатого дома в Новоархангельске. Было начало мая, но тут, на острове Ситка у берегов Аляски, все еще лежал снег, хотя солнце прогуливалось по небу весь день до полуночи. Тут же, во дворе, три почти одинаковых по-виду и одежде алеутов, разделявали, сидя на корточках, сегодняшнюю добычу- крупного морского котика. Кровь впиталась в снег и обледенела. Впрочем, молодой офицер ничего этого не замечал, он ждал и нервничал. В доме тявкнул щенок, офицер остановился и прислушался, видимо, ОНА все-таки пришла. Молодой человек облегченно вздохнул, поправил кивер на голове и вошел в дом с задней двери.

Внутри дома все было устроено просто и прочно: бревенчатые стены, печка, скрипучие полы. В зале вместо рояля и диванов стояли бочки, везде валялись мотки веревок, на стенах висело несколько винтовок. Квадратные столбы-балки поддерживали тяжелое перекрытие

крыши, на них повисли целые гроздья ножей без ручек. Посередине находился огромный стол, в углу, где должен был быть иконостас, на деревянном резном кресле сидела молодая женщина с высокими скулами и рыжеватыми волосами, уложенными в пышную прическу. Женщина возилась с неуклюжим щенком черного ротвейлера, лежавшим на ее коленях: он шуточно кусал ее холеные пальцы, а она щекотала и тискала его, не обращая внимания на вошедшего офицера.

Молодой человек подошел к ней, склонился, чтобы поцеловать руку:

– Сударыня!

Женщина, все еще играя со щенком, протянула узкую кисть:

– Вот, мичман, как просили, пришла проститься с вами, уезжаю.

– Позвольте спросить, когда?

– А вот прямо сейчас! – женщина указала глазами на продолговатый оружейный ящик и дорогой английский сак, осевший на столе.

Офицер выпрямился, отошел от нее и заметно побледнел.

– Vous êtes un bon chasseur. (вы хороший охотник) Благодаря вашей помощи, дела мои завершены, merci.

– Зельда, как же я? nous censés aller de pair (мы же должны ехать вместе)...

Женщина сбросила с колен щенка, встала, подошла к нему и положила руки ему на плечи:

– А, вы, мичман, будете служить Его Величеству Государю Императору на флоте и меня вспоминать. Nous reviendrons à cette conversation quand vous serez un capitaine (мы вернемся к этому разговору, когда вы будете капитаном) – Зельда улыбнулась, а потом заразительно засмеялась, – а вы как хотели?

– Je voudrais vous donner un cadeau. (у меня для вас есть подарок)

– Подарок? – Зельда посмотрела на железный лист позади кресла, на бочки, обмотанные веревками, потом на деревянный ящик на полке, – что же это, не томите!

Офицер подошел к полке и вынул небольшой деревянный ящик, поставил его на стол:

– Извольте.

Зельда приблизилась к столу, присмотрелась к ящичку, медленно открыла крышку, вынула оттуда сафьяновый сверток, развернула. Внутри оказался медный обруч с небольшими отверстиями по бокам, сделанный просто и грубо.

– Варлен, зачем это? – Зельда была явно удивлена.

– Это корона.

– Корона? – Зельда снова засмеялась, – какого королевства, позвольте спросить?

– Королевства Lumen Electricus, открытого нам Александром Вольтом и Майклом Фарадеем.

Зельда примерила корону:

– И кто же там королева?

Варлен наклонился и поцеловал ей руку:

– Вы, сударыня. Извольте, – указал ей на кресло.

Зельда послушно села в кресло, щенок, было, опять попытался забраться к ней на колени, но Варлен отпихнул его:

– Бруно, место!

Затем присоединил к отверстиям с боку короны свои странные веревки.

Зельда еще раз осмотрелась, в ее глазах сверкнули красные угольки:

– Так вы, сударь, на бочки на эти весь свой доход извели?

– В бочках этих, – Варлен указал на левую стену, – кислота, в тех щелочь, все по самому новейшему проекту!

– Меня хотели удивить, – Зельда была польщена, угольки в глазах погасли

– Сейчас сами все и увидите, сударыня – Варлен отошел к столу и достал из ящика маленькую деревянную коробочку с кругленьким набалдашником, от нее-то и тянулись веревки к бочкам.

Зельда улыбнулась ему, готовая к сюрпризу:

– Нос *solum scio quod nihil scio!* – сказал он довольно громко нажал на набалдашник.

(я знаю, что ничего не знаю. Эпиграф к книге Майкла Фарадея «*Experimental researches in electricity*» 1839 год)

Корона, на голове Зельды заискрилась, боль пронзила ее насквозь. Она вскочила, схватившись за дымящуюся голову, но железные ножи, сорвавшись с балок пригвоздили ее обратно к креслу. И все-таки, она начала преображаться, глаза её превратились в красные дыры, а за спиной распахнулись черные огромные крылья.

Варлен резко обернулся, одним движением открыл оружейный ящик. Вынув из него меч, и резко вытащив его из ножен, он подошел к быющей в кресле Зельде.

– Ты же хотел быть вместе! – хрипела Зельда, пытаясь сорвать обруч с головы.

Глаза Варлена наполнились красным свечением, а от рукоятки меча к острию поползла красная змейка.

– Вот мы и будем вместе, *ensemble pour toujours* (вместе навсегда) – змейка добралась, наконец, до острия клинка, и Варлен вонзил меч туда, где у Зельды должно быть сердце.

Зельду продолжало трясти, но крылья ее поникли, а глаза закрылись.

Варлен вынул клинок из ее груди, струя крови хлынула ему на мундир, он не смутился и вонзил в нее меч еще раз и еще.

С узкой кисти Зельды с легким звоном упал перстень с ярко горящим рубином. Варлен поднял перстень, он был маловат для его пальца, но он с силой зачихнул его на мизинец. Шатаясь, он подошел к столу и залез обеими руками в разорванный сак, стараясь не поворачиваться к Зельде спиной. Там, как он и предполагал, лежал продолговатый стеклянный сосуд – цибориум, наполненный золотистой жидкостью. Варлен взял цибориум в руки, его начинала бить дрожь.

Поморщившись от нахлынувших на него воспоминаний, Варлен отряхнул пальцы от алмазной пыли. Затем, подойдя к доске, он нашел самую длинную формулу и поставил пальцем после нее жирную точку, которая тут же задымилась. Отойдя от стола, Варлен снова дотронулся до своего перстня, и внимательно осмотрел появившийся перед ним алый куб, в котором все так же вращались черные точки. Варлен немного выждал, *система* вела себя вполне стабильно: значит, Зельда была права насчет камня и системный сбой удалось купировать. Ночной гость окинул последним взглядом уже наполненную дымом лабораторию и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 2

Ипатьево

Взрыв и пожар в третьем корпусе стали главной новостью «Оптиглас». Лаборатория Лукьянова сгорела полностью, но как это произошло – было непонятно. Камеры наблюдения не показали ничего подозрительного ни на территории, ни в самом корпусе, но, каким-то образом, одна из лазерных пушек самопроизвольно включилась, это было ясно видно на записи, но пожар из-за этого казуса случиться не мог. И, ладно бы, пожар! Главное, что бриллиант, который, как известно сгореть не может – сгорел, или бесследно исчез, хотя штатив, на котором он был укреплен, нашли. Было множество досужих разговоров и в итоге Лукьянова вызвали на ковер. Понятно, что его обвинили в халатности, в краже напрямую его никто не обвинял, но тот факт, что начальник Лукьянова упорно обходил этот вопрос, раздражало физика еще сильнее, в итоге вышла некрасивая сцена, Лукьянов хлопнул дверью и ушел. Ему тут же позвонил зам и сообщил, что грант, который использовал Лукьянов в своем проекте, не в состоянии оплатить восстановление лаборатории, ему предложили присоединиться к другой группе, или взять оплачиваемый отпуск, пока администрация «рассмотрит все варианты». Другими словами, одного из самых перспективных ученых центра вежливо попросили уйти. Было Севастьяну Лукьянову двадцать пять лет, он был вспыльчив и раздражителен, многое понимал в своем деле и не очень хорошо разбирался в людях. Впрочем, было в этом деле одно обстоятельство, которое сыграло немаловажную роль: в огромном фирменном конверте DHL, оставленном Варленом у охраны в ту ночь, содержалось крайне заманчивое предложение, исходившее от солидного университетского центра в Австрии. «Оптигласу» предлагался очень выгодный совместный проект, а в добавок – оплаченную командировку для начальника в Австрию для переговоров и, возможно, большего. Сгоревшая лаборатория Лукьянова подходила для проекта идеально.

Сначала Лукьянов решил уйти, потом решил жаловаться, потом написал разгромную статью, затем открытое письмо, в итоге уничтожил и то и другое – в общем, запутался окончательно. Но возможно, самым странным его поступком после всех этих перипетий стала поездка в Ипатьево к своему первому учителю физики, Антону Петровичу, хотя странным этот поступок назвали бы только те, кто не знал Лукьянова близко.

Севастьян Лукьянов, практически с самого рождения рос и воспитывался в детском доме, в небольшом районном центре Ипатьево, пока его не приняли в физико-математический интернат. Он отлично учился с самого начала, но именно встреча с Антоном Петровичем совершенно поменяла все его жизненные интересы, физика стала для него страстью, борьбой, чем то значительно большим, чем наука.

Последний раз Лукьянов ездил в Ипатьево после второго курса, потом жизнь так лихо закрутила его, что он почти не вспоминал о своем детстве и вот только сейчас понял, как важно для него поехать именно туда.

Лукьянов дошел от станции до Ипатьево пешком, хотя идти было чуть ли не час, был чудесный летний денек, повсюду пахло хвоей, смолой и чем то неуловимо родным. Шел он налегке и, кажется, даже забыл о всех своих проблемах на работе. Двухэтажное здание Детского дома мало изменилось за это время, к нему все так же вела желтоватая аллея, казавшаяся сегодня уже и короче. Лукьянов подошел к главному входу и позвонил, дверь открыла молодая симпатичная девушка, которая сразу показалась Севастьяну очень знакомой, но кто она, он сразу и не вспомнил. Она же как то странно на него среагировала, покраснела, замялась:

– Севастьян Сергеевич? Здравствуйте! – удивительно, но девушка знала его имя-отчество.

Лукьянов поздоровался, улыбнулся:

– Я к Антону Петровичу приехал

– А они все уехали, – девушка все никак не могла найти правильный тон, – Антон Петрович, все ребята и учителя, на десять дней, по Золотому Кольцу... Только малыши здесь, я и Наталья Ивановна... Они в среду только приедут, но можно им позвонить, я им уже сегодня звонила!

Девушку звали Вера Смирнова, она тоже была воспитанницей Ипатьевского Детдома, и вернулась сюда как воспитатель и учитель русского языка после педагогического института. Как только девушка заговорила, Лукьянов тут же вспомнил ее, ну конечно же, это она!

– Вера? Вас ведь Верой зовут? – Лукьянов был безумно рад встретить ее, Веру Смирнову, о которой он и думать забыл, и все же она была ему родным человеком, и именно за этим он сюда и приехал.

– Неужели вы меня помните? Да что же мы в дверях стоим? Проходите, проходите, я вам сейчас вашу фотографию покажу на стенде выпускников, вы же у нас знаменитость!

Через 10 минут они сидели в «кают компании», то бишь столовой и пили чай с конфетами. Вера подробно рассказала о делах в Ипатьево, об Антоне Петровиче, который уже собирается на пенсию и обо всех общих знакомых.

– Ну а ты то как сама, Вера? Видишь их еще?

– Кого? – Вера опять застеснялась и покраснела.

– Ну их, с золотыми крыльями?

Вера встала из-за стола, подошла к мойке, чтобы ополоснуть чашки, но на самом деле, девушка чуть не плакала:

– С тех пор как вы уехали в интернат – не видела...

Вера попала в Ипатьево когда ей было девять лет, Севастьяну Лукьянову, тогда просто Севе – двенадцать. Вера была странной девочкой: маленького роста, тоненькая, гладкие черные волосы и большие синие глаза, явно неместная. Она любила болтать, причем, все равно, с кем, но говорила уж очень необычно, скороговоркой, почти не задумываясь и не глядя себе-седнику в глаза, что особенно раздражало ребят. Ей дали обидную кличку, дразнили, но что хуже всего – гнали прочь. Сева не был похож на «ботана», хотя это был именно тот год, когда в Ипатьево появился Антон Петрович и почти сразу же стал заниматься с Севой индивидуально, готовя его к физико-математическому интернату. Вера ходила за Севой хвостиком, он был не против, хотя и не считал ее другом. Его настоящим другом был самый взрослый в детдоме, и самый хулиганистый, Витя Куцепенко, по прозвищу Витя Куцый. Витя походил на питбуля: квадратный, мускулистый, но Севу уважал и с ним считался.

Летний вечер обнимал Подмосковьё, стайка младших крутилась около столовой – приближался ужин. Вера с Севой сидели на земле, прислонившись к дереву, она рассказывала ему о лесе, о своей знакомой кошке Мусе Чемодановой, о муравьях, а Сева не перебивал. Ну, в общем, Вера решила рассказать свое главное, любимое:

– Ты знаешь, они бывают разные, но я видела только золотистых. Они приходили ко мне ночью, когда я была совсем маленькая, и только когда мамы дома не было, ну, чтобы я с дивана не упала, у нас диван был, рыжий такой. Ну, в общем, они похожи на людей, у них есть глаза и волосы, и даже ресницы, их можно трогать, они не обижаются. Когда им нужно, они становятся большими или маленькими, и у них появляются крылья, тоже золотистые, они ими летают. А еще, у них есть звездочки, красивые такиеееее, они ими пуляются... Ты мне веришь?

Сеня тербил соломинку накручивая ее на палец:

– Нет, не верю, но ты рассказывай!

– Ну, вот, – почти обрадованно сказала Вера, – они помогают детям, всем детям, без разбора, и у кого родители есть, и таким как мы...

– А взрослым?

– Взрослым раньше помогали, а теперь нет, взрослые сами по себе...

На другом конце просторного двора, на бортике старой песочницы сидели Витя Куций, его адъютант Пашка Соловей, рыжеватый смысленный парень и еще двое пацанов, поменьше. Все ждали ужина.

– Смотри ребя, Смурнучка Севу грузит, – прокомментировал парочку под деревом Пашка.

Витя чуть улыбнулся, компания поняла, что можно смеяться и хохотнула презрительно.

– Надо бы ее проучить, – продолжил тему Пашка, – достала уже всех своей лабудой!

– В Котел ее! – встрял один из пацанов поменьше.

«Котлом» среди детдомовцев называлось бывшее помещение котельной в заброшенном корпусе, пол там прогнил и через жирные щели виднелась черная пасть котлована. Обветшалый корпус официально забили фанерой, но жизнь там продолжалась: пацаны устроили в «гнилушках» то ли штаб, то ли клуб, где курили, смотрели запрещенные журналы и играли в картишки. В «Котел» не любил заходить даже сам Витя, хотя он вообще ничего не боялся, не боялся даже драться с деревенскими мужиками.

– А что, это идея, – сказал Витя задумчиво.

– Давай ночью попросим Светку Косую нашу Смурнушку на улицу вызвать, и в «Котел» ее, а? – предложил расторопный Пашка.

– А если она не пойдет? – засомневался один из мелких.

– Значит так, – приказал Витя Куций, – Пашка, ты меня разбуди сегодня ночью, и тогда узнаем кто куда пойдет...

Потом был ужин, потом «стало поздно», позевали, посмотрели телевизор и отправились спать.

Сева открыл глаза и проснулся, над ним склонилась деловая физиономия Пашки Соловья:

– Да проснись ты уже!

Сева осмотрелся по сторонам, кроме Пашки, у его кровати были еще трое: сам Витя Куций, Ваня Мальцев, «малец» и Рафик старший.

Сева встал и стал натягивать штаны, Витя уже собрался и командовал:

– Косую предупредили?

– А то...

– Ну, тогда пошли!

Вся компания вылезла в окно и направилась к девичьему крылу. Пока шли, старались не шуметь, остановились у условленного окошка, оно скрипнуло, стало открываться, Светка горячо зашептала внутри:

– Вер, ну давай, лезь уже! Там они, там, с золотыми крылышками, как ты и говорила, я их только что видела!

Неумелая Вера все никак не могла вылезти наружу, пока Витя не подхватил ее и не поставил на землю. Она удивленно и испуганно смотрела на Витю и мальчишек, потом рванулась назад, но окно уже закрылось.

– Вер, там они, в заброшенном корпусе, пошли, я покажу, – голос Паши выдал жутковатую правду происходящего.

Вера сделала шаг назад и уперлась в стену:

– Не пойду я! Делайте со мной, что хотите, но я туда не пойду!

– Да че ты испугалась, дуреха? – продолжил уже открыто издевательским тоном Пашка, – там они, в «Котле» собрались, с золотыми звездочками играют!

Вера открыла рот, чтобы кричать, но Витя молниеносно закрыл ее лицо широкой ладонью:

– Ша ты у меня покричишь!

Неожиданно кто-то дернул его за плечо, Витя повернулся и увидел своего друга Севу.

– Опаньки, – Витя попытался отбросить Севу, но тот ловко увернулся и отскочил в сторону. Вера тут же спряталась за Севину спину.

– Не понял, – Витя угрожающе мотнул головой.

Сева не испугался, но сделал шаг назад. Витя выставил нож вперед и шелкнул затвором, лезвие мгновенно выскочило и блеснуло, но почему так ярко? Витя инстинктивно прикрыл глаза рукой, а когда открыл, то прямо перед собой увидел Севу, светящимся голубым и ярко-белым, за его спиной широко распахнулись крылья, полностью закрывшие Веру.

Витя повернулся налево, там, где стоял готовый к бою Пашка. С ним тоже что – то случилось, он светился ярко-золотым, и у него тоже были крылья! И у Вани Мальца и у Рафика – у всех были крылья! И все-таки, надо биться – решил Витя Куцый, но что-то мешало ему, и он осмотрел себя. Весь, с головы до пят, он сам светился голубым и белоснежным, а за его спиной было нечто столь сильное и прекрасное, что у него перехватило дыхание...

Севу переполняли радость и сила, без всяких усилий он взмыл вверх и увидел широкое темно-синее небо вокруг себя, со сверкающими вдали молниями приближающейся грозы. Он посмотрел вниз, туда, где ютились корпуса детского дома, смешные скамейки в парке и пустая теперь, песочница. Все это казалось странным и убогим отсюда, сверху. Сева взлетел еще выше и неожиданно понял, что он совершенно не Сева Лукьянов. Что практически все, что он знал о себе, навязано ему этим маленьким мирком, превратившимся в серую массу далеко под ним. Кто же я на самом деле и *что* этот мир вокруг меня? – спросил Сева. Чтобы получить ответ на этот вопрос, нужно было взлететь совсем высоко. Сева посмотрел последний раз вниз, чтобы попрощаться с теперь уже малюсеньким мирком и взмахнул крыльями. Но что это? Вокруг него появились странные белые, голубые, фиолетовые и красные огни, они мешали ему. К тому же, все небо вокруг него сильно трясло, его вертикальный полет отклонился куда – то вбок, а потом он летел уже вниз, его падение сопровождал шорох и свист. Земля приблизилась, на ней он увидел мощный красный взрыв, а вокруг взрыва – черные клубы дыма.

Вокруг все тряслось, что это?

Сева открыл глаза и проснулся, над ним склонилась деловая физиономия Пашки Соловья: Да проснись ты уже! Сева осмотрелся по сторонам, у его кровати, кроме Пашки, были еще двое: Ваня Мальцев, «малец» и Рафик старший. Витя уже собрался и командовал

– Косую предупредили?

– А то...

– Ну, тогда пошли!

– Я не пойду, – спокойно сказал Сева, – и вас не пущу.

– Чо ты сказал?! – Пашка подошел к нему вплотную, чувствуя поддержку Витька.

– Что слышал! Вера никакая не «смурнушка», а Вера Смирнова.

Витек приблизился к Севе:

– Братан, я чот не понял...

– Если ты сейчас пойдешь ее травить – ты мне не друг! – Сева говорил совершенно серьезно.

– Севыч в смурнушку влюбился! – хихикнул Пашка.

Сева подскочил к Паше и неожиданно ударил его, удивленный Пашка упал и притих. Витя схватил Севу за шиворот, началась потасовка, которая продолжалась недолго: дежурная воспитательница прибежала на шум, дерущихся разняли. Наказали обоих, и Витю, и Севу,

через неделю мальчишки помирились, но настоящая дружба между ними кончилась. А через полгода Сева уехал в интернат.

– Севастьян Сергеевич, вам, наверное, идти надо, а то на электричку опоздаете...

К тому же, дождь будет, – Вера официально улыбнулась.

– Вера, ты на меня обиделась?

– За что? – удивилась Вера.

– Ты знаешь, тогда, ну, тринадцать лет назад, я тебе ничего не сказал... А сейчас-скажу...

Они мне снились.

– Кто? – Вера сделала вид, что не поняла.

Не известно почему, но Севастьян рассказал ей весь свой сон, который сейчас вспомнил во всех подробностях и всю эту историю.

Они разговорились, но не так, когда он приехал, а по-другому, как родные люди и поговорили до глубокой ночи, остановила их только сильная летняя гроза, с громом и молниями.

Глава 3

Поэма Света

– Понимаешь Вер, секрет света, обыкновенного света, который мы видим каждый день, будь то солнечный свет, или электрический, заключается в том, что он может составлять свою собственную материю, быть материей, пусть и на короткое время...

– Но у фотонов света ведь нет массы! – спасибо Антону Павловичу: Вера неплохо усвоила основы физики.

– Слушай, а ты молодец, попала в самую точку! – Сева взволнованно взъерошил волосы, – это и есть загадка. Свет, фотоны света, двигаются в пространстве миллиарды лет, от звезды к звезде, с сумасшедшей скоростью, причем со скоростью постоянной! Это значит, что у мельчайших частиц света нет массы, по крайней мере, в макромире, то бишь в мире нашем.

– О, знаменитая скорость света! – Вера восхищенно смотрела на Севу. Ей, простой «училке» настоящий ученый объясняет свои исследования, говорит с ней, как с равной.

– Правильно, скорость света. А теперь представь, что сноп фотонов входит в плотную среду, и вот там он начинает вести себя совершенно по-другому. Фотоны взаимодействуют с средой, в которую попали, ну, скажем, с атомами, у которых, в свою очередь, есть масса. Они передают атомам часть своей энергии, но при этом и сами видоизменяются! Возникает нечто среднее, некое новое царство света, в котором свет и его частицы ведут себя как часть материи.

– Ну, а потом? – помотала головой Вера, она уже несколько запуталась.

– Потом, – Сева улыбнулся, – лучик выходит из плотной среды и все его фотоны обретают изначальные характеристики: они летят в пространстве и ничто не может их сдержать, это все те же элементы нашего мира, для которых не существует массы и тяжести.

Дождь за окном усилился, сверкнула молния, потом бабахнул веселый летний гром. Веру воодушевляла и гроза, и Сева, и его рассказ.

– Свет входит в наш плотный мир, задерживается на мгновение и вырывается из него, все такой же чистый, сильный, и стремится к другим мирам...

– Поэма света!

– Ну, на счет поэмы не знаю, это ты у нас спец, а вообще это называется пространством Ритберга. В принципе, этот вот эффект, условно назовем его квантовый, может дать возможность человечеству закодировать всю поэзию мира всего в одном лучике света, затем зафиксировать ее в плотной среде, как в библиотеке размером всего в несколько молекул, и выдавать читателям в любом количестве за миллионные доли секунды.

– И вы этим занимаетесь?

– А разве мы опять на вы? – Сева засмеялся, как же ему хотелось сейчас обнять Веру! Почувствовав это, девушка смутилась, отвернувшись к окну.

Снова сверкнула молния, и сразу же, не дожидаясь грома, еще одна. Комната озарилась ярчайшим голубым светом, электричество на мгновение погасло. Вера ойкнула, Сева крепко, по-мужски, обнял ее, чувствуя ее тепло, вдыхая запах пушистых смоляных волос.

На улице поднялся ветер, зашумели деревья – ничего особенного, если не считать джипа Wrangler Sahara на увеличенных колесах, подъехавшего к воротам детского дома с выключенными фарами. В джипе находились четверо. За рулем сидела Лера, выглядела она очень продвинуто: мужские джинсы, черные армейские ботинки, безрукавка с дюжиной выпуклых карманов, вдобавок-покрашенные в три неоновых цвета и торчащие перьями волосы. Для девушки с азиатской внешностью, Лера была довольно высокой и изящной. Рядом с ней – Христофор Афанасьевич – лысоватый мужчина средних лет, с абсолютно незапоминающейся внешностью, в мятом темном костюме. Сзади-две молодые женщины Лана и Линда: Лана тоже высокая,

крепко сбита, с темными прямыми волосами, в плотно облегающем спортивном костюме и фирменных дорогих кроссовках. Рядом – Линда, одетая модно и ярко, на головокружительных шпильках.

Линда потрянула своими потрясающими белыми волосами:

– Так, значит, здесь он появится?

Шел сильный дождь. Лера подала знак подождать, опустила окно и немного высунувшись, принялась. На секунду задумавшись, она молча указала пальцем куда-то в сторону. Девушки вышли из машины, Лера тут же двинула в направлении брошенного корпуса, а Линда и Лана прошли через небольшой парк к главному зданию детдома.

Сева и Вера, обнявшись, стояли у окна, молнии все еще озаряли ломаными линиями небо, но гроза уходила куда-то на север, раскаты грома затихали вдали. Неожиданно Вера вздрогнула, прижавшись к Севе-за стеной дождя она вдруг увидела две фигуры:

– Посмотри вон туда! – голос Веры дрогнул, оборвался, ей показалось, что она видит двух крылатых существ, золотистых, неземных... Они медленно двигались к ней, заставляя капли дождя, подающие на них, светится золотой россыпью.

Крепко прижав девушку к себе, готовый с этой минуты защищать и оберегать ее всю жизнь, Сева вгляделся в уже уходящую ночь. Он тоже увидел фигуры, но для него это были просто две женщины или девушки, одна из них смешно подпрыгивала на шпильках.

Христофор Афанасьевич вышел из машины и направился вслед за Лерой. Вместе они подошли к брошенному корпусу детского дома, где когда —то и был знаменитый «котел». Теперь остатки здания окончательно прогнили и развалились. Христофор Афанасьевич взглянул на небо, он совершенно промок, но не замечал этого. Молния сверкнула совсем близко, потом еще раз и еще. Раздался ужасный треск, но это был не гром, а звук мощного удара, «Котел» загорелся- молния попала прямо в него. Лера отскочила, инстинктивно закрыв глаза рукой, а Христофор Афанасьевич, не спеша вошел в огонь и пропал в нем...

Увидев огонь и клубы дыма, Сева, с сожалением выпустив Веру из объятий, выскочил на улицу, девушка выбежала следом за ним:

– Это в наш «Котел» молния попала! Помнишь его?!

– А как же, – усмехнулся Сева, – нужно звонить ноль один, это пожар!

Пожарные приехали быстро, все пространство перед главным зданием детдома заполнили машины, люди, звуки сирен и пугающие всполохи мигалок. Пожар потушили, никто не пострадал, пожарным помог не прекращающийся дождь. За воротами, где все еще стоял Лерин джип, из-за дождя было совершенно ничего не видно. Но вот небо озарилось уже далекой грозой, и в этом свете на секунду мелькнули фигуры: это Христофор Афанасьевич, Линда и вся компания пытались уложить в машину человека, завернутого в уже промокшее холщовое полотно. От человека исходило ярчайшее голубое сияние, пронизывающее всех. Но вот все было сделано, джип заурчал, зажглись фары, по-деловому хлопнули закрывающиеся двери, джип тронулся, набрал скорость и растаял в предрассветной мгле.

Сева и Вера не спали до утра, помогая Наталье Ивановне управиться с царившей после пожара суматохой. Отказавшись от завтрака, Сева уехал в Москву, а вечером позвонил Вере, и они договорились встретится на выходных.

Глава 4

Первые Впечатления.

Христофор Афанасьевич занимал огромную квартиру в центре Москвы. Все там было по-простому: светлая гостиная, горшки с геранью, тиканье ходиков. После похода в Ипатьево все собрались у него. Новенького переодели в шорты и смешную детскую футболку с солнышком и аккуратно положили на диван. Его свечение иссякло под утро, но в себя он еще не приходил. Зато теперь он выглядел вполне обычно: стройный, высокий молодой человек, на вскидку лет двадцати пяти, спутанные темные вьющиеся волосы, бледная кожа, длинные пальцы. Все утро вокруг него суетилась Софья Андреевна, референт и помощница Христофора Афанасьевича, испокон веков она вела его хозяйство и занимала одну из боковых комнат квартиры. Вот и теперь она смотрела на новичка и улыбалась, к ней подошла Линда:

– Софья Андреевна, я давно хотела вам сказать, но все как-то не получалось, я вам так благодарна, что вы тогда, в самом начале, мне и Лане помогли! Мы без вас бы пропали...

Софья Андреевна улыбнулась Линде:

– Девочка, когда ты и Лана к нам прибыли, зима была, Рождество. Вас Христофор Афанасьевич потом еще долго «подарками» называл. Вы такие смешные были, он к тебе еще не подошел даже, а ты уже сама вскочила – и сразу к окну. Открыла, значит, окошко, а там снег идет... Ветра не было, снежинки такие крупные, красивые, и ты давай с ними разговаривать, я говорю, Линда, я тут теперь с вами буду, вы не против?

Линда подошла к окну и открыла его:

– Да, да, я помню, я подумала, что снежинки живые...

– А потом, – продолжила Софья Андреевна, – когда ты замуж выходила...

– Действительно, забавно со снежинками, – перебила ее Линда, – А Лана как себя вела тогда, вы помните?

– А Лана очень нас всех испугалась, заплакала даже! Взрослая девица, а сидит и слезы пальцами вытирает, носом шмыгает. Христофор Афанасьевич ей говорит: что ты плачешь, не бойся, мы теперь все вместе! А она еще сильнее плачет: Я в туалет хочу!

Линда весело рассмеялась, она почему-то этого не помнила:

– Ну, а потом что?

– А потом я ее в ванную отвела, она сразу под душ и тут же успокоилась. Я, говорит, плавать умею, очень быстро, хотите покажу?

В гостиную вошел Христофор Афанасьевич, уставший за ночь, но в приподнятом настроении. Он только что побрился и утирался теперь простеньким полотенцем. В углу, на кресле чутко дремала Лера. Вчера она замаялась вести машину под дождем. Сначала пришлось ехать в «Оптиглас», где обнаружился лишь взорвавшийся и обгоревший этаж корпуса, но новенького там не было. Было странно наблюдать за лицом Христафора Афанасьевича, который никак не мог понять, как он мог ошибиться. Успокоился он только после того, как Линда нашла конверт, который имел отношение к новенькому. Потом понеслись в Ипатьево, конец не близкий, и гнали как сумасшедшие, выскакивая на встречу. Лера проснулась, едва Христофор Афанасьевич переступил порог гостиной. Из соседней комнаты едва слышно доносился приглушенный голос Ланы, она разговаривающей с кем-то по телефону, что-то печатая на ноутбуке. Христофор Афанасьевич молча проследовал в центр гостиной, взмахом руки предложив присутствующим завершить свои дела, по-видимому, должно было случиться что-то явно неординарное. Утихнув, все сгрудились вокруг него. Присев перед диваном на корточки и осторожно взяв руку новенького в свою, Христофор Афанасьевич беззвучно зашевелил губами. Ниже

горла у новенького проявляется голубой свет, и он открыл глаза. Софья Андреевна первая, за ней все остальные захлопали в ладоши.

– Ну, вот, теперь ты с нами! Меня зовут Христофор Афанасьевич – почти церемонно представился он новенькому, – а это Софья Андреевна, человек знающий, часто она просто незаменима. Это Лана, если официально-Светлана Юрьевна, педагог, специалист по физическому развитию детей и подростков, наша с тобой коллега. В ближайшем будущем она будет твоим инструктором... Ладно, об этом потом... Это Лера, наша защитница, девушка сильная во всех отношениях, ты сможешь рассчитывать на ее помощь в любых ситуациях. Ты оказался здесь не случайно, мы тебя давно ожидали... Все мы здесь находимся для служения, служения людям! Мы защищаем и оберегаем их... ну, ты быстро все поймешь и всему научишься!

Новенький серьезно внимал Христофору Афанасьевичу, но вдруг довольно громко почесал ногу ниже колена.

Линда, готовая захихикать, закрыла лицо.

– А это Линда, она поможет тебе пообвыкнуться и устроится, ты у нас тут надолго.

Хихиканье Линды тут же пропало:

– Христофор Афанасьевич, у меня ведь работа, вы же знаете!

Христофор Афанасьевич, не обращая внимания на замечание Линды, куда-то вышел и возвратился с довольно большим тяжелым ларцом из темного дерева, открыл его и достал квадратный коричневый конверт, лежащий прямо сверху. Именно его Линда нашла у корпуса Оптигласа.

– Вот, – протянул он конверт Линде, – ты нашла, тебе и открывать!

Линда, взяв конверт в руки, открыла его. Внутри лежал чистый лист дорогой белой бумаги, ни записей, ни знаков, ничего.

– Христофор Афанасич, миленький, я что, я «за»! Но вы же видите, какой он странный, даже в конверте ничего не написано! А я из всех самая глупая, я даже его и защитить-то не смогу, случись что...

– Не волнуйся, защищать его тебе не придется! А его звание в конверте появиться позже, хотя не припомню такого, что б совсем чистый лист был... Давай, приступай! – Христофор Афанасьевич споров не любил.

Линда подошла к дивану, всмотрелась в незнакомца, новенький вежливо привстал.

– Ой, смотрите, какие у него глаза голубые... прям как василечки... Ну, что Василек, пойдешь со мной?

Новенький улыбнулся и утвердительно кивнул. Обсудив напоследок, когда все вновь встретятся, Линда потянула новенького к двери, пора было уходить. Новоиспеченный «Василек» вдруг остановился, посмотрел на свои босые ноги и спросил слегка, покраснев:

– Христофор Афанасич, а можно у вас обувь какую-ни будь попросить, на время?

Христофор Афанасьевич смущенно поднял брови, Софья Андреевна тут же бросилась на помощь:

– Подходящих ботинок у нас нет, только сапоги или тапочки, смешно, конечно, но уж не обессудьте!

– Тогда тапочки...

Новенький и Линда спускались по лестнице – держались за руки, возле двери подъезда она вскинула темные ресницы:

– Можно, я Веней тебя буду называть, Веней Васильком?

Новенький забавно склонил голову в сторону, на секунду задумался, блеснул улыбкой:

– Тебе все можно!

Линда достала его конверт, вынула чистый лист бумаги и написала на нем обыкновенной ручкой: Веня Василек

Надпись тут же стала испаряться, лист снова стал чистым, а потом на нем проявилось две заглавные буквы ВВ.

– Теперь понятно, – Линда спрятала конверт в сумку, – ВВ, значит ВВ!

Вышли на улицу, шумное московское утро весело било в глаза. Веня зажмурился. Перед его взглядом пронеслись миллиарды обыденных картин: люди, машины, животные, города, скромные и затейливые пейзажи. По сути он увидел все, все, что можно увидеть на земле обыкновенным человеческим глазом, а в самом конце – падающий золотистый листок, кружащийся и неспешно легший на землю. Подойдя к своей машине, и распахнув для Вени дверь, Линда весело поинтересовалась:

– Ну, и как тебе у нас?

Веня все еще щурился:

– Хорошо, хорошо весьма.

– Ну, тогда поехали?!

Глава 5

Первое пристанище

Через полчаса Линда и Веня сидели на открытой веранде дорогого ресторана. Веня с аппетитом поглощал итальянскую пасту и салат, тут же закусывая все это фруктами. Перед Линдой одиноко стояла только чашечка кофе, она курила и быстро стучала в планшете iPod.

Веня, не отрываясь от еды, задал вопрос:

– Мое служение уже началось?

Линда ответила, не отрываясь от iPod и не поднимая на Веню глаз:

– Сначала ты должен найти свое место, свой ключ. У нас тут правила....

– Правила – это хорошо, а потом?

– Потом... пппп, потом суп с котом... Потом у тебя должен появиться Lumen Aureus.

– А это что?

– Свет такой золотистый внутри, свет служения...

– А сейчас у меня какой?

Линда, оторвавшись от iPod, посмотрела внимательно:

– Сейчас у тебя никакого.

– Хм, – замолкнув, Веня продолжил задумчиво жевать. После паузы он задал новый вопрос: – А у Ланы есть Lumen Aureus?

Линда все еще не отрывалась от планшета:

– Василек, ты с кем в ресторане сидишь, с Ланой или со мной?

Веня отодвинул остатки пасты:

– Я просто так спросил...

К столику подошел официант:

– Может быть, десерт? Суфле, терамису, киви – баблти?

Веня глянул оценивающе:

– Пожалуй. А мороженное есть?

Линда наконец-то захлопнула планшет:

– Оки, Василек, я тебе мороженное по дороге куплю, нам пора. Счет мне, а ему еду в доги бэг, хорошо?

– Без проблем. Официант, выхватив тарелки у Вени, испарился.

– А у Леры, у нее ведь тоже нет Lumen Aureus...

– А у нее и не должно быть, она же просто ведунья, разве ты этого всего не видишь?

Еще через полчаса Веня и Линда поднимались по потрепанной лестнице сталинского дома. Наконец, дошли. Линда, упершись коленом в дверь, обитую рваным кожзамениателем, пыталась подобрать ключ. Веня, немного отстав, с любопытством осматривался. В соседней квартире тихо приоткрылась дверь, в узком проеме показалась фигура злобной бабки в рваном халате. Веня произнес учтиво:

– Здравствуйте...

Линда нервно сжала связку переставших звякать ключей:

– Вера Пална? Это я, Витина невеста, помните меня? Леной меня зовут. А это Веня, братишка Витькин, приехал вот в Москву за него хлопотать. Только вот мы дверь открыть не можем...

Чуть помедлив, дверь Веры Палны все так же бесшумно закрылась.

Линда протянула увесистую связку ключей Вени:

– Может ты попробуешь?

Выбрав первый попавшийся ключ, Веня тут же открыл дверь, чем приятно поразил Линду, она даже захлопала в ладоши:

– Вау, круто! Респект!

Молча вошли в пыльную замызганную двушку:

– Ну, вот, Веня Василек, твое первое в этом мире пристанище. Скромно, уютно и недалеко от метро, лучше не придумаешь! За такие хоромы у нас тут убивают.

Веня осмотрел мебель конца семидесятых, с любопытством заглянул в туалет:

– А кто тут на самом деле живет?

– А живет здесь моряк дальнего плавания, Виктор Леонидович Куцепенко, вооон его фотки на стене. Там, вот он с ребятами в детдоме, он детдомовский сам... На той – с друзьями по морпеху на Баренцевом море. А вооон на той, выгоревшей – на слете КСП в Карелии, а девушка в мини, которую ты так внимательно рассматриваешь – его невеста.

– Ну, а сам-то он где, Виктор Леонидович?

– Оооо, сам Виктор Леонидович, с другом своим и сослуживцем, Павлом Соловьевым находится в далекой Танзании, в городе Занзибаре, сидит он там в тюрьме. Всю их команду сняли с корабля и посадили. Наш МИД за них хлопочет, но пока без толку. А квартира пустует.

– А что-случилось?

– Да все, как всегда: кто-то кому-то денег не заплатил, флаг либерийским был, вот так и вышло....

– А ты, значит, его выручаешь, Виктора Леонидовича этого?

– Нет, Венечка, я его не выручаю...

– Как же ты про все это узнала?

Линда улыбнулась, потрянув своим планшетом:

– Интернет, Василек, не зря ж мы в 21 веке живем!

– Ну, так давай, поедем туда и выручим его, заодно с Павлом и сослуживцами!

Линда, насмешливо фыркнув, вручила Вене телефон, замазанный снизу пакет с остатками ресторанной еды и коробку с мороженым:

– Давай, но только не сегодня, лады?

Глава 6

Деньги

Вечером следующего дня Линда работала в своей мастерской-ателье. У нее было отличное помещение, правда не в центре: просторная зала, разделенная длинным подиумом, куча подсобок, уютный кабинет. На подиуме царили несколько манекенов, один из которых украшало незаконченное подвенечное платье. На остальных красовались нежные наряды пастельных тонов, предназначенные для подруг невесты. Вокруг всей этой безмятежности находилось много всякой всячины, создавая некий вполне элегантный, деловой беспорядок: швейные машины, оверлоки, прожекторы для фотосъемок, стулья, огромный дорогуший кофемейкер, корзинка с белыми пирожными только что из модной кондитерской. Вдоль стен возвышались современные шкафы с рулонами ткани и холстами. Смежная зала была полностью забита кронштейнами с женской одеждой. На самом видном месте между окон висел, небрежно припиленный портновскими булавками, портрет-эскиз углем: тонкое лицо юноши с длинными вьющимися волосами. Линда стояла напротив свадебного манекена и курила, придирчиво разглядывая практически законченную работу. Ее помощница Ксюша, чем-то похожая на саму Линду, но выше ростом и моложе, замерев, ждала Линдиных комментариев. Молоденькая швея Лиза держала наготове огромный кофр с катушками шелковых ниток всевозможных цветов.

Наконец, Линда, склонив голову набок, изрекла: – По идее, все должно быть нежно-белым, чистым, как снег...

Лиза, достав из недр кофра катушку белых ниток, тут же поднесла к наряду.

– Ксюш, ну как тебе? – повернулась к Ксюше Линда.

Ксюша наморщила нос:

– Что-то не очень...

– Ну, если чуть холоднее тон взять, то чистым, как снег, не получится...

– Будем думать, Линда Александровна.

Телефон Линды чирикнул, не отрывая взгляда от манекена, она прижала трубку к уху.

Здрав ноги, в новых джинсах и аляповатой расстегнутой рубашке, Веня лежал на диване в квартире Куцепенко. Вокруг были разбросаны свежeverпорошенные коробки. Веня нервно поглощал пломбир и болтал по телефону с Линдой.

– Линд, это я, привет!

– Привет-привет, как дела?

– Линд, я тебе так скажу, есть конечно проблемы, но в общем все просто замечательно!

Линда повернулась к Лизе, закрыв телефон ладонью:

– Попробуй к нам спиной его повернуть.

Лиза повернула манекен, Линда снова вернулась к разговору с Веней:

– И какие проблемы?

– Тут пыли очень много, меня это просто достало, чихаю вот постоянно!

Линда, подойдя совсем близко к манекену и наклонив его в свою сторону, поинтересовалась в мобилу:

– Тебя раздражает пыль, и ты чихаешь... Что еще?

Ксюша за спиной Линды, ткнув пальцем в сторону эскиза, шепнула покрасневшей Лизе:

– Любовник... Классный мальчик!

Лиза неслышно хихикнула.

Веня, заглатывая большой кусок мороженого, продолжил:

– А еще, так вчера вечером темноооо стало! Когда темно, я почти ничего не вижу, ни в комнате, ни на улице...

Линда, прищурившись, приподняла подол платья на манекене вверх, глянула на изнаночные стежки:

– Когда темно, ты ничего не видишь, понятно, дальше!

Веня встал с дивана, с трубкой у уха смотался в кухню и вынул из холодильника еще одно мороженое:

– Мне стало как-то не по-себе, что-то, типа тревоги... Вместо мыслей туман какой-то... Я на диван завалился...

– Туманные мысли на диване, продолжай! – Линда задумчиво тронула пальцем изнаночный стежок.

– А потом как будто все куда-то провалилось, я совершенно потерял над собой контроль, ничего не помню, потом открыл глаза... и уже утро. Это нормально? – Веня покатал за щекой языком орешек из мороженого.

Линда оставила платье в покое:

– Девочки, простите, но все должно быть короче сантиметров на пять...

– Линда Александровна, как короче, почему? Мы и так не успеваем, а теперь короче! – Ксюша взволновалась не на шутку.

Линда нежно сказала в трубку:

– Ты просто спал, солнце, это вполне нормально!

– Я тоже так сначала подумал, но теперь я думаю по-другому! – покончив с мороженым, Веня отмывал в ванной липкие пальцы.

– Теперь ты думаешь по-другому, что конкретно тебя тревожит? – терпение Линды начало иссякать.

– Линд, я думаю, что ты должна сегодня ко мне приехать, и мы должны спать вместе...

– Спать вместе???

Ксюша, открыв рот, издала тихое «ооооооо», Лиза опять покраснела.

– Так, погоди, – попросила в трубку Линда, деловито дала распоряжения:

– Значит так, Ксения, записывай: подол пока окончательно не подгибаем, возьми его на живую... по поводу лифа: шире, шире, Ксюш, он так и так сядет нормально, косточки потом вставим... кринолин надо менять, этот слишком велик. Нитки возьми на оттенок к молочному ближе, а не к голубому, а то они серыми казаться будут... Ну, вроде все... Делай, а я потом посмотрю повнимательнее. Все, я в кабинете, никого не принимаю!

В кабинете разговор продолжился:

– Але, ты еще тут?

Веня, отмыв руки от мороженого, принялся грызть жесткие зеленые яблоки:

– Слушай, у тебя волосы хоть и мягкие, но они все равно щекотаться будут, ты можешь с собой чепчик какой привезти, или платок?

Линду начало трясти от хохота, Веня на другом конце города был озадачен:

– Ну, и что тут смешного?

Линда продолжала хохотать.

– Линд, и еще... можешь мне киви привезти, штук десять? Они должны быть мягкими на ощупь, но без вмятин. Я такие видел у нас тут, в супермаркете, но их бесплатно не дают, а у меня деньги кончились.

Линда мгновенно прекратила смеяться:

– Какие деньги, откуда у тебя деньги?!

– Деньги в шкафу лежали под полотенцами, в целлофановом пакете.

– Веня, ты с ума сошел! – Линда перешла почти на крик – Веня, ты-чокнутый, ты слышишь?! Ты – больной на всю голову!

– Линда, что ты на меня кричишь? Что я такого сделал?

Линда продолжала паниковать:

– Что ты сделал?! Я тебе скажу, что ты сделал!!!

Ксюша и Лиза услышали скандал из зала.

Ксюша вздохнула:

– Чует мое сердце: и нам перепадет....

Линда выскочила из кабинета, и придерживая трубку подбородком, попыталась втиснуться в светлый плащ, но бросила, побежала к выходу:

– Значит так, где сидишь, там и сиди, ничего не трогай и никуда не ходи, я буду через 20 минут!

Ксюша подняла брошенный плащ, стала разглядывать.

– У Линды Александровны такие красивые вещи – восхищенно сказала Лиза

– Что ж ты хочешь, ВСВГ, Макс Азрия. *Bon chic, bon genre!*

– *Bon chic, bon genre*, – повторила Лиза все так же восхищенно. Это с французского?

– Это, Лиза, международное. Переводится так: Берешь приличного богатого мужика, морочишь ему полгода голову, женишь на себе, а потом тут же разводишься. А что б все было ровненько, оттяпываешь у него денег, так, что б хватило и на приличный бизнес, и с молодыми сумасбродами погулять. *Bon chic, bon genre*, – Ксюша аккуратно повесила плащ на вешалку, – Ладно, Лиз, давай работать, у нас тут конь еще не валялся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.